

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.П. ЛЕОНОВ

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БИБЛИОТЕКИ –
САМООРГАНИЗАЦИЯ – КОГНИТОМ:
КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА
БИБЛИОТЕКОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

ББК Ч73я44
Л47

Рецензенты

доктор педагогических наук *Г.В. Варганова*

доктор философских наук *Т.Б. Маркова*

Леонов В.П.

Л47 **Архетипический образ библиотеки – самоорганизация – когнитом: комплексная программа библиотечных исследований** / В.П. Леонов. – Санкт-Петербург : БАН, 2024. – 60 с.

ISBN 978-5-336-00331-1

В издании рассматривается современный подход к пониманию сущности библиотековедения. В основе исследования лежат работы К.Г. Юнга об архетипах и коллективном бессознательном и К.В. Анохина о когнитоме. Обосновывается концепция архетипического образа библиотеки и самоорганизации – междисциплинарного научного направления на стыке культурологии (миф), психологии (архетип), философии (связь) и естественно-научных дисциплин (когнитом).

Для специалистов гуманитарных дисциплин, библиографов, библиотечников, книговедов, а также студентов, аспирантов – будущих исследователей книжного дела.

© Леонов В.П., 2024

ISBN 978-5-336-00331-1

© Библиотека Российской академии наук, 2024

*«Дух книги должен проявиться в ней самой,
он не может быть просто описан...
Книга должна автоматически разделить тех,
кому она понятна, и тех, кому непонятна.
И предисловие написано для тех,
кому книга понятна»*

Витгенштейн Л. «Культура и ценность»

ПРЕДИСЛОВИЕ

К.Р. ПОППЕР О МИРЕ ОБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ

Понимание библиотеки в широком контексте формировалось у меня постепенно, в ходе рассуждений и дискуссий с коллегами, собственных наблюдений и впечатлений от того, как изменяется потребность в библиотеке у общества, какой она станет завтра, как будут в ней общаться новые читатели. Чем больше меня захватывали эти вопросы, тем отчетливее я понимал, что библиотека, как и вся жизнь на Земле, развивается не по направлению к «чему-то», а только «от чего-то».

Меняется архитектура библиотеки, иным становится внутреннее её наполнение, появляется нечто новое в поведении библиотекарей и читателей. Уже не срабатывают стереотипы. Расширяются границы библиотечного общения (архив, музей, интернет), требуется иной подход к осмыслению происходящего. Так возникает проблема нахождения границ библиотечного и неблиотечного. Границы эти подвижны и гибки, они меняются в зависимости от особенностей развития общества, науки и культуры в соответствующую эпоху. Но это не означает, что пространство библиотеки развивается по кем-то написанному сценарию. Напротив, оно, как творение человеческого разума, продолжает пребывать в постоянном поиске гармонии, самоорганизации.

Обратимся теперь к основным положениям теории объективного знания, теории К.Р. Поппера (1902–1994) – выдающегося философа и логика XX века [35, с. 381].

Если использовать слова «мир» или «универсум», пишет К. Поппер, то можно различить три мира или универсума: 1) мир физических объектов или состояний; 2) мир сознания (мир мыш-

ления) и 3) мир объективного содержания мышления, включающий научные идеи, поэтические мысли и произведения искусства (мир знаний). «Обитателями» третьего мира являются теоретические системы, проблемные ситуации и критические рассуждения, а также содержание журналов, книг и библиотек [36, с. 439–441].

Третий мир существует независимо от первых двух и в доказательство его объективности К. Поппер предлагает рассмотреть два мысленных эксперимента.

«Эксперимент 1. Предположим, что все наши машины и орудия труда разрушены и уничтожены, а также уничтожены все наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако библиотеки и наша способность учиться, усваивать их содержание выжили. Понятно, что после преодоления значительных трудностей наш мир может начать развиваться снова.

Эксперимент 2. Как и прежде, машины и орудия труда разрушены, уничтожены также и наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако на этот раз уничтожены и все библиотеки, так что наша способность учиться, используя книги, становится невозможной ... во втором случае возрождение нашей цивилизации не произойдет в течение многих тысячелетий» [36, с. 441–442].

Третий мир, несмотря на то что он продукт человеческой деятельности, автономен. Мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Посредством этого взаимодействия между нами и третьим миром происходит рост объективного знания, т.е. знания «без того, кто знает», без субъекта знания. Вот как Карл Поппер объясняет объективность и автономию третьего мира.

«Мнение, что без читателя книга ничего собой не представляет, является одной из главных причин ошибочного субъективного подхода к знанию. Книга якобы в действительности становится реальной только тогда, когда она понята, в противном случае же она просто бумага с черными пятнами на ней.

Этот взгляд ошибочен по многим пунктам. Осиное гнездо является осиным гнездом, даже если оно было покинуто и даже если оно никогда снова не использовалось осами как гнездо. Птичье гнездо является птичьим гнездом, даже если в нем никогда не жили птицы. Аналогичным образом книга остается книгой – определенным видом продукта, даже если она никогда не была прочитана (как часто происходит сегодня).

Отметим, что некоторые книги или даже целые библиотеки книг не нуждаются в том, чтобы быть написанными кем-либо: книги, содержащие таблицы логарифмов, например, могут быть созданы и отпечатаны вычислительной машиной. Они могут быть лучшими книгами, содержащими логарифмы, то есть содержать логарифмы вплоть, скажем, до одной миллионной. Они могут быть посланы в библиотеки, однако оказаться бесполезными. Во всяком случае, могут пройти годы, прежде чем кто-либо воспользуется ими, причем на многие данные в них (в которых выражаются некоторые математические теоремы), возможно, никогда не обратят внимания в продолжение всей истории существования человека на земле. Однако каждая из этих цифр содержит то, что я называю "объективным знанием", и вопрос о том, имею ли я право называть ее так, не имеет значения.

Пример с книгами, содержащими логарифмы, может показаться искусственным. Но это не так. Я должен сказать, что почти каждая книга подобна этому примеру: она содержит объективное знание, истинное или ошибочное, полезное или бесполезное, а прочитает ли ее кто-либо когда-нибудь и действительно поймет ее содержание – это почти случайность. Человек, который понимает книгу, – редкое создание. Если же взять обыкновенного человека, то для него всегда характерно в значительной степени неправильное понимание и неправильное истолкование книг. Превращение черных пятен на белой бумаге в книгу, в знание в объективном смысле представляет собой не результат реального и отчасти случайного уклонения от такого неправильного понимания. Скорее здесь имеет место более абстрактный процесс. Именно возможность или потенциальность некоторой вещи быть понятой, ее диспозиционный характер быть понятой и интерпретированной, или

неправильно понятой и неправильно интерпретированной, делает ее книгой. И эта потенциальная возможность или диспозиция книг могут существовать, не будучи когда-либо актуализированными или реализованными.

Чтобы понять это более четко, можно представить себе следующую ситуацию. После того как человеческий род исчезнет, некоторые книги или библиотеки возможно будут найдены некоторыми нашими цивилизованными потомками (не имеет значения, будут ли они земными живыми существами, которые сделались цивилизованными людьми, или некоторыми пришельцами из космоса). Эти книги могут быть дешифрованы. Предположим, что они могут оказаться теми логарифмическими таблицами, которые никогда не были ранее прочитаны. Из этого совершенно ясно следует, что для превращения некоторой вещи в книгу несущественно ни ее составление мыслящими животными, ни тот факт, что она в действительности не была прочитана или понята; для этого достаточно лишь то, что она может быть дешифрована.

Таким образом, я действительно признаю, что, для того, чтобы принадлежать к третьему миру объективного знания, книга должна (в принципе, в возможности) обладать способностью быть постигнутой (дешифрованной, понятой или "познанной") кем-то» [36, с. 440–451].

Теперь, с учетом наличия объективного знания, состоящего из продуктов человеческого духа – знания «без субъекта знания», обратимся к главной теме нашего исследования – «Архетипическому образу библиотеки».

ВВЕДЕНИЕ

К.Г. ЮНГ

О КОЛЛЕКТИВНОМ БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ И ПРОБЛЕМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ И КОГНИТОМА

Современное библиотековедение, библиографоведение, книговедение выдвинули несколько системных идей, которые были востребованы и критически развиты в разное время различными направлениям и школами. Среди этих идей следует особо выделить три, изучение которых может принести новое знание. Первая связана с учением К.Г. Юнга (1875–1961) о мифах, коллективном бессознательном и архетипах. Учение вошло в мировой фонд философско-психологической мысли XX века.

Идея мифа и коллективного бессознательного – продолжение развития идей философии еще со времен Античности. Основной столп – диалоги Платона о существовании двух миров: мира вещей и мира идей. Эти идеи содержатся в умах Богов, они сотворены до создания мира и поэтому Идеи предшествуют физическому опыту. Мир идей прорастает в материальном мире и создает Миф. А миф создает архетипы.

В развитии идей коллективного бессознательного свое влияние оказали Иммануил Кант и Артур Шопенгауэр. Кант разработал концепцию – знание зависит от чувственного восприятия. «Критика способности суждения» Иммануила Канта – основной столп понятия светского вкуса, эстетики, восприятия красоты. Кант считал, что все чувственные данные можно организовать в фундаментальные врожденные категории. Эти категории входят в состав и композицию всего, что есть в чувствах и составляют часть переживания. Кантовские категории по части переживания близки к определению архетипов Юнга. Но категории Канта, как

и Идеи Платона, также расположены вне времени и пространства и им не хватает связи с телесными реальностями и повседневным опытом.

Ближе всего к концепции К.Г. Юнга – «прототипы» Артура Шопенгауэра. А. Шопенгауэр писал о прототипах/архетипах как об «исходных формах всех вещей, (которые) только и являются истинно сущими, поскольку они всегда есть, но никогда не приходят».

К.Г. Юнг старается провести границу между собой как психологом и этими предшественниками. До него понятия мифа и архетипа относились к миру Идеи, эстетики, были рациональными (познаваемыми) понятиями высокой материи. Он же вводит в философию мифа и архетипа важнейшее значение инстинктов, фундаментального переживания [19].

Коллективное бессознательное – центральное понятие психологии Карла Густава Юнга – известного швейцарского психолога, психиатра и философа. Наряду с З. Фрейдом, Юнг является одним из основателей глубинной психологии, которая изучает так называемые глубинные уровни психики личности. В разработанной им «аналитической психологии» коллективное бессознательное – один из слоев подсознания. Это информационное поле, в котором находятся самые разные данные, накопленные за тысячелетия. Для Юнга бессознательное не только социально, но и исторично. Оно вбирает в себя все новое содержание и тем самым подготавливает сдвиги общественного сознания [11, с. 5–8; 47, с. 5–22].

Коллективное бессознательное существует в индивидуальной (персональной), коллективной и социальной разновидностях. Индивидуальное бессознательное – это информация психического мира конкретной личности. Личность, по мнению Юнга, естьместилище родовой истории. Человек впитывает в себя опыт предшествовающих поколений. Основания личности архаичны, примитивны, природны, бессознательны и универсальны. Другими словами, человек есть исторически сформированная коллективная личность.

В отличие от индивидуального бессознательного, коллективное является общим для всех живших и живущих на земле людей,

независимо от их жизненного опыта или истории. В этом проявляется, по мнению Юнга, основное содержание наиболее глубокого уровня человеческой психики – коллективного бессознательного, то есть психических первообразов, или архетипов. Они оказывают сильное влияние на то, как мы живем, как ведем себя в разных ситуациях.

Коллективное бессознательное представляет собой хранилище латентных (скрытых) следов памяти человечества. В нем отражены мысли и чувства общие для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого. Как говорил Юнг, «в коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума» [47, с. 23–30]. Коллективное бессознательное предстает в виде архетипов, бессознательное – это и есть совокупность архетипов. Коллективное бессознательное есть у всех. На уровне сознания оно проявляется в виде симптомов и комплексов. Архетип – феномен коллективного бессознательного и одновременно элемент социокультурного взаимодействия [47, с. 95–128].

Вторая системная идея связана с теорией самоорганизации, с понятием «самоорганизация совместной библиотечной деятельности». Вопрос о роли и значении такой самоорганизации интересен потому, что размышления о нем порождают множество интерпретаций. Сознательно выстроенную библиотечную систему, способную обеспечить информацией все уровни жизни, в аспекте синергетического подхода можно определить, как процесс совместной библиотечной деятельности.

Сегодня формируется иное представление о самоорганизации, которое позволяет пересмотреть традиционное понимание библиотечной деятельности. Речь идет о междисциплинарном сотрудничестве библиотечной науки, сферы интересов которой пересекаются, где самоорганизация в информационной среде приобретает значительное ускорение [10, с. 127–132].

Направленность процессов совместной библиотечной деятельности обусловлена воздействием меняющейся библиотечно-информационной картины мира, которая на каждом историческом

этапе зависит от приоритетов «дифференциация – интеграция». Процесс дифференциации сопровождается усилением науки к специфике библиотечно-информационной деятельности; в период интеграции – возрастает потребность получения сведений об их практических универсальных характеристиках.

В контексте нашего исследования рассматривается возможный вариант взаимодействия библиотечных архетипов коллективного бессознательного и объективной информационной среды – совместной библиотечной деятельности. Она возникает всюду, где библиотекари призваны взаимодействовать, координировать усилия для достижения общих целей. Самоорганизация и библиотечная деятельность были и остаются распространенным явлением в профессиональной среде. Вместе с тем, несмотря на ее распространенность, содержание этого понятия изучено недостаточно.

Как проблема библиотекведения самоорганизация в библиотечной деятельности рассмотрена в работах Ю.Н. Столярова [40, с. 760–763], М.Я. Дворкиной [16, с. 239–241], И.С. Пилко [32]. Однако целостное представление о ее возникновении и становлении не сложилось. Это во многом объясняется тем, что авторы исследований преследовали другие цели.

В настоящее время появляется возможность продолжить работу, которую начали наши коллеги. В качестве базовой концепции выступает предположение, что научное и интеллектуальное пространство способно объединиться и развиваться в виде новой формы – самоорганизации совместной библиотечной деятельности. Оно направлено на раскрытие механизмов возникновения и становления совмещенных библиотечных систем.

Третья системная идея, определяющая развитие отечественного библиотекведения, книговедения и библиографоведения, связана с развитием когнитивных наук, с нейронауками и понятием «когнитом». Достижения нейронаук подводят к мысли о необходимости пересмотра природы субъекта познания в аспекте когнитивного подхода.

Основная проблема, отраженная в третьем разделе, заключается в попытке осмыслить новейшие успехи нейронаук, показать их значение для библиотечно-информационной деятельности. Это

предполагает интерпретацию новых когнитивных идей и представлений, которые ведут к формированию теории «когнитома», обоснованной академиком РАН Константином Владимировичем Анохиным.

В наиболее общем виде когнитом – это полная отраженная система субъективного опыта, сформированная в организме в процессе эволюции, индивидуального развития и обучения. Структура когнитома и его динамика охватывают все многообразие ментальных явлений [3, с. 39–71; 22, с. 77–83].

В настоящей работе использованы идеи мифотворчества, коллективного бессознательного и архетипов, позволяющие взглянуть на совместную библиотечную деятельность как самоорганизующуюся систему с позиций синергетического знания, а также новейших достижений теории «когнитома» [34, с. 10–18; 43, с. 52–59].

Итак, цель нашего исследования:

А) выявление механизмов формирования архетипических образов как основы совместной библиотечной деятельности;

Б) выявление источников их развития в мифотворчестве и в коллективном бессознательном.

Объект исследования: миф как смысловое поле культуры, библиотечные архетипы как феномен совместной библиотечной деятельности.

Предмет исследования: процессы библиотечной самоорганизации, возникающие при взаимодействии с архетипическими образами, книга как внешний когнитом.

Задача исследования: предложить теоретический подход к изучению самоорганизации и когнитома в библиотековедении.

Ожидаемые выводы:

1. Архетипические образы как основа совместной библиотечной деятельности являются обобщенным понятием, раскрывающим особенности самоорганизации для достижения познавательных целей.

2. Основанием для взаимодействия является соответствие целям и возможностям совместной библиотечной деятельности.

3. В совместной библиотечной деятельности рассуждения о мифах, о коллективном бессознательном и архетипах выполняют координирующую и регулирующую функции.

4. Книга в концепции К.В. Анохина, в теории когнитива есть внешний когнитив.

РАЗДЕЛ I

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БИБЛИОТЕКИ В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

ГЛАВА 1

МИФ И АРХЕТИП КАК СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ

По мнению К.Г. Юнга, «миф – это то, во что верят все, всегда и везде; следовательно, человек, который думает, что он может прожить без мифа или за пределами его, выпадает из нормы. Он подобен вырванному с корнем растению, лишенному подлинной связи с прошлым и с родовой жизнью, которая в нем продолжает себя, и с современным человеческим сообществом. Это игра его разума, которая всегда оставляет в стороне его жизненные силы» [49, с. 67].

В настоящее время имеются многочисленные работы, посвященные различным аспектам исследования мифа: историческим, семиотическим, лингвистическим, литературоведческим.

Миф – особый способ объяснения мира, в котором человек, общество и природа существуют как единое целое. Он не имеет ни начала, ни конца, это вечное, пребывающее вне нас. Миф наделяет единичные события символическим значением. Основная его задача – упорядочение человеческой жизни. Миф лежит в основе человеческой души, он формирует смысловое поле культуры: «...которое отвечает за ценности и смыслы народов и социумов, от которых зависит нравственное здоровье общества и людей... Благодаря мифу происходит социализация личности и духовная самоорганизация общества» [39, с. 47].

Миф выступает как форма бытия социальной памяти. Он объединяет информацию о прошлом, настоящем и будущем. Миф способен упорядочить, организовать, координировать быт народа, придавая смысл существованию человека. Он по своему содержанию хранит то, что воспринималось как истинная история человека и общества, отраженная и сохраненная в его памяти.

Актуальность обращения к мифу и мифосознанию в контексте современной философии и психологии обусловлена изменениями в социокультурном пространстве и в теоретических дискуссиях. Обращение к формам сознания позволяет понять противоречия разных типов обществ. Это делает анализ мифа и мифосознания весьма актуальным.

Именно миф лежит в основе всей духовной жизни человечества и именно он способен сохранить и передать в мифологической форме глубинные смысловые аспекты памяти [25, с. 35–65].

Человек мифа осознает себя включенным в жизнь всего мира и чувствует свою значимость, поэтому люди мифа всегда герои, значительные личности. Это – объективное следствие мифологического состояния сознания. Мифологическая форма сознания – способ осмысления человеком мира и социальная практика. Мифология навязывается человеку извне, как «завет предков потомкам» [42, с. 369; 12, с. 1].

В мифе человек живет и развивается как бы навсегда в настоящем времени. В мифе человек имеет реальную возможность прожить свою уникальную и неповторимую жизнь не только в настоящем, но и гипотетическом будущем и в свершившемся прошлом. Условием этого проживания является адекватное понятие мифа как личной истории.

Смысловое поле мифа задается присутствием в нем архетипов, а мифологическая практика представлена в форме некоего повествования (социальный миф). Это нечто среднее между наукой и необъяснимым. Мифология отражается в искусстве: искусство представляется порожденным мифологией и в то же время является свидетельством мифа.

Миф – исторически первая форма выражения архетипов коллективного бессознательного. А в первобытной мифологии мы имеем дело с внутренним миром человека, который воспринимался им как внешний.

Миф определенным образом структурирует социально-культурную жизнь как данного общества, так и отдельных индивидов. У каждой конкретной социокультурной и индивидуальной целостности есть свое ядро, свое проявление архетипа, свой миф и свой образный ряд.

Подчеркнем, что только сейчас, в последние годы наметился переход от исследования общего характера к исследованиям, позволяющим рассмотреть отдельные аспекты мифа, его роль в обществе и значимость для человека. Ученые-психологи, в том числе и библиотекари, внесли весомый вклад в развитие мифа. Главным результатом психологии в этой области является разработка проблемы связи и взаимодействия между мифом и сознанием, а также исследования коллективного бессознательного, мифологии, научным объяснением сущности мифов посредством изучения архетипов.

Архетип для Юнга является элементом психики, который возник в примитивном обществе первобытного человека и нашел свое выражение в мифологии древних. Именно миф, а не архетип является начальной формой бытия памяти, так как он способен показать то, что запоминается. Миф создает основу бытия архетипа.

Архетип представляет собой содержание коллективного бессознательного, которое имеется в результате осознания и восприятия индивидуумом на основе его личного опыта.

Задача современных мифологов – увидеть архетипы в повседневности. Сторонники данного подхода определили миф как воплощение «коллективного бессознательного», «энциклопедию архетипов», выражающих глубинный смысл истории.

В отличие от мифа, архетип представляет собой более высокую степень абстракции. Миф, как правило, связан с конкретными действиями человека, он как бы помогает ему прожить в своей индивидуальной памяти наиболее значимые события. Сам по себе архетип – гипотетический образ, основы которого формируются в глубине памяти социума. Отражая глубины памяти на уровне коллективного бессознательного, архетип сохраняет память социума в ее абстрактной форме. Наполнение происходит тогда, когда возникает ситуация. Архетип продолжает свое существование в самых разных вариантах в памяти культуры.

Архетипы представляют собой библиотеку книжной памяти, это место, где живет память и предназначена она для сохранения знаний и письменных источников. В современной модели библиотеки как социума ценностями должны стать не отдельные элементы структуры, а связи между ними. Существо этих связей составляют и определяют

процессы коммуникации. При этом важно, чтобы коммуникация была направлена на все существующие каналы. Глубинная связь архетипа с памятью библиотеки дает основание для постановки вопроса об унаследовании библиотечных архетипов.

Если архетип есть основной хранитель книжной памяти, то это некая матрица, где в свернутом виде содержатся устойчивые образы, модели и смыслы, которые читатель разворачивает по-своему, в зависимости от собственного опыта и склада личности. В этом значение архетипа, залог его воздействия на историю. Так формируется парадигма: Архетип – коллективное бессознательное – книжная память.

Библиотечный архетип всегда находится в движении, в развитии, в зависимости от исторического контекста. Он не хранитель готовых образов. В его основе библиотечная теория, библиотековедение, развитие базовых моделей.

Архетипы не поддаются внешнему наблюдению.

Одним из наиболее ярких способов сохранения социальной памяти в архетипах является архетипическое поведение. Его характеристиками являются национальные, этнические и культурные доминанты. По своей природе архетипическое поведение проявляется спонтанно. Возможно соединение теории архетипа и практики библиотечного процесса, который определяется глубинными кодами культуры, ее памятью, хранимой в образах библиотечной деятельности.

Таким образом, архетип – это своего рода аккумулятор наиболее ценного, человеческого опыта, который постигается в процессе творчества.

Очевидно, мы можем говорить о некоем культурном, в частности, библиотечном пространстве, сложившемся на основе единого культурного кода через чтение и восприятие авторами различных текстов, а также профессиональной критики и библиотечной теории. Формирование библиотечных архетипов отражает процессы библиотечной эволюции.

ГЛАВА 2

ОБ АРХЕТИПАХ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В гуманитарном знании проблемы мифа и архетипа исследуются давно. Имеются труды, посвященные терминологии, сущности понятия, специфике его изучения в разных сферах. Уже стало традицией связывать возникновение этой проблематики с работами основоположника аналитической психологии К.Г. Юнга, который сформулировал сам термин «архетип» и определил сферу его нахождения – «коллективное бессознательное». Коллективное бессознательное есть структура, которая хранит многовековой опыт человечества, представленный в первообразах [48, с. 300–303].

Ученые, в том числе и библиотекари, дополняли и уточняли друг друга. Юнг пытался обосновать и понятие архетипа. Оно давалось нелегко. Юнг объясняет архетип как «априорные формы индивидуальной психики», которые обретают контуры, выходя из сферы бессознательной в сознательную и превращаясь в образы.

Архетипы в аналитической психологии представляют собой изначальные, врожденные психические структуры, первичные схемы образов, содержащиеся в коллективном бессознательном, которые формируют активность воображения. Архетипы лежат в основе человеческой символики и время от времени они проявляются в мифах, в науке, в произведениях литературы и искусства [19].

Юнговские архетипы – это устойчивые формы, в которых существует коллективное бессознательное. Архетипические структуры коллективного бессознательного постоянно и активно воздействуют на сознание и играют решающую роль в его формировании. В результате абстрактные структуры коллективного бессознательного обретают конкретную, понятную и приемлемую для соответствующего коллектива форму [47, с. 95–128].

Для Юнга бессознательное не только социально, оно почти тождественно с историей [48, с. 152].

Карл Юнг вынес одно убеждение, что существуют определенные мотивы и комбинации понятий, наделенные свойством «вездесущности». Такие конструкции существуют не только в мифах и верованиях самых различных народов, но и в сновидениях или бредовых фантазиях современных людей, для которых абсолютно исключено знакомство с мифологией. Причины их порождающие – в самой человеческой психике. Поэтому Юнг считал, что бессознательное постоянно продуцирует некоторые схемы, архетипы, формирующие представления человека [48, с. 125].

Но при всей своей формальности, крайней обобщенности архетипические фигуры, по мере того, как они становятся более отчетливыми, сопровождаются необычайно оживленными эмоциональными тонами и способны впечатлять, внушать, увлекать. Поэтому всякое эффективное внушение осуществляется через архетипы, через культуру и искусство. Поэтому художник – это прежде всего человек, отличающийся незаурядной чуткостью к архетипическим формам и особо точно их реализующий [48, с. 126].

Искусство имеет, по К.Г. Юнгу, еще одну функцию. Как утверждает С.С. Аверинцев, её можно обозначить как сигнальную. Оно вбирает в себя все новое содержание и тем самым подготавливает сдвиги общественного сознания [1, с. 152]. Задача художника состоит в том, чтобы в силу своей особой близости к миру коллективного бессознательного первым улавливать совершающиеся в нем необратимые трансформации и предупреждать об этих трансформациях своим творчеством. Художник – это общественный ясновидец, который видит предостерегающие сны [49, с. 153].

Вернемся к общетеоретическим размышлениям, к связи архетипа как представителя коллективного бессознательного и памяти человечества. Связь эта реальна, так как архетип имеет в себе априорное знание. Теория бессознательного исходит из тезиса об изначальном самосознании человека, который, зная о себе все, не может выразить этого рационально, а только на уровне (социокультурного) бессознательного. Именно этот тезис взят за основу К.Г. Юнгом, согласно теории которого рождение каждого значительного произведения связано

с действием сил, таящихся в коллективном бессознательном и пробуждающихся в творчестве отдельного автора.

Размышляя о теории архетипов К.Г. Юнга, С.С. Аверинцев, по сути, выявил связь коллективного бессознательного с предупреждающей функцией искусства. Роль автора состоит в том, что он первый улавливает изменения в коллективном бессознательном и оповещает об этом общество [1, с. 110–156; 2, с. 110–111].

«Неродившееся произведение в душе художника, – утверждает К. Юнг, – это стихийная сила, которая прокладывает себе путь либо тиранически и насильственно, либо с той неподражаемой хитростью, с какой умеет достигать своих целей природа, не заботясь о личном благе или горе человека – носителя творческого начала, творческое живет и произрастает в человеке, как дерево в почве, из которой она забирает нужные ему соки.

Нам поэтому неплохо было бы представлять себе процесс творческого созидания наподобие некоего произрастающего в душе человека живого существа. Аналитическая психология называет это автономным комплексом» [47, с. 277].

Подведем некоторые итоги. Архетипы, по К.Г. Юнгу,

- отражаются в сказках, мифах, поэзии;
- встречаются в культурах всех эпох;
- могут обладать положительными и отрицательными характеристиками;
- проявляются как элемент коллективного бессознательного.

Важный момент: архетипы могут проявляться в разные периоды жизни и в разных ситуациях по-разному.

В коллективном бессознательном заложена важнейшая информация о человеке, актуализируемая затем в архетипах и через них. Уже сейчас очевидно, что мы можем особо выделить *культурное бессознательное* как некую сферу, в которой дремлют изначальные архетипические образы, идеи, мотивы, получающие затем отражение в искусстве. Именно отсюда возникает тезис о так называемом *«чтении без чтения»*.

Если архетип есть основной хранитель памяти книжной культуры, то это некая форма, матрица, в которой в *свернутом* виде содер-

жаты некие устойчивые образы, модели и смыслы, которые читатель (индивид) развертывает по-своему, в зависимости от жизненного опыта и склада личности. В этом базовое значение архетипа, залог его воздействия на историческую действительность.

Новейшие исследования на стыке биологии и социологии показывают, что: «... существуют несомненные соответствия между юнговскими архетипами и универсальными вариантами биосоциальной организации. Эти инварианты выражают объективные закономерности структурирования любых целостных биосоциальных систем и поэтому могут ... рассматриваться как содержательное основание, исток выделенных в истории духовности гениальным прозрением Юнга архетипов коллективного бессознательного. По-видимому, архетипы исторически возникли как отражение и средство воспроизведения инвариантов биосоциальной организации первобытных родовых коллективов» [31, с. 46].

Этот вывод В.М. Найдыша согласуется с заключением А.Ю. Большаковой: «... точнее говорить о разграничении двух стадий в историческом развитии "архетипа": если возникающий на первобытной стадии "биотехнологический" архетип получает воплощение в мифе, то последующий "ноосферический" (культурный) – в литературе, искусстве и пр. Неразграничение этих двух стадий и соответствующих им (архе)типов ведет к (увы, распространенному) сведению роли архетипа в произведении лишь к организации мифологического подтекста, т.е. опять же к пресловутому поиску архаики» [9, с. 54].

ГЛАВА 3

О БИБЛИОТЕЧНЫХ АРХЕТИПАХ

Что такое библиотечный архетип, каково его место и значение с точки зрения К.Г. Юнга о коллективном бессознательном? Напомню, коллективное бессознательное – это духовное наследие всего, что было пережито человечеством, фундамент индивидуальной психики. Архетипы – врожденные идеи или воспоминания, которые подталкивают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом.

Библиотечный архетип – одна из форм проявления культурного бессознательного. Идея библиотечного архетипа сложна и вместе с тем проста, как и всякая большая идея. Суть ее в том, что человеку присущ инстинкт книжной культуры, иначе говоря, стремление к книжной культуре, к ее созданию. Этот инстинкт выработался в нем в духовную силу, это есть то, что мы называем дух. Стремление к книжной культуре как смысл есть стремление к бессмертию. Таким образом, смысл понятия «библиотечный архетип» преобразуется в понятие «бессмертие книжной культуры» и в итоге придает ей одухотворенность.

В библиотечных архетипах можно выделить несколько направлений, которые будут востребованы и критически развиты в разное время отечественным библиотековедением, библиографоведением и книговедением.

Первое – представление об историчности библиотечных архетипов. История терминов в XXI веке превратилась в самостоятельную исследовательскую проблему. Представление об исторической изменчивости библиотечных архетипов будет способствовать формированию нового взгляда на архетип.

Второе направление связано с учением о коллективном бессознательном как объекте историко-библиотечного анализа. К.Г. Юнг создал теорию мотивов, истоков и доказал, что свойства и структура

архетипа зависит от комбинаций составляющих его мотивов. Однако библиотечный процесс не отрицает напрямую комбинации психологических феноменов, поскольку развивается по собственным законам. Возникает вопрос: были ли попытки разработать классификацию библиотечных архетипов? Нет. Поэтому актуальным представляется анализ теоретических источников, который может быть использован для типологии библиотечных архетипов.

Третье направление о коллективном бессознательном и архетипах есть часть теоретических оснований библиотековедения, библиографоведения и книговедения, которая начинается с ответов на вопросы: что такое книга, чтение, библиотека? К.Г. Юнг считал, что архетипов может быть очень много, также, как и мотивов, и образов, воплощающихся в лицах. Они являются проекциями архетипов.

Как эти три направления выглядят на практике? Например, типичный представитель библиотечного архетипа – *ex libris*. Первое направление будет заниматься историей экслибриса. Второе – классификацией *ex libris*, находить теоретическое обоснование его архетипических корней в исследованиях искусствоведов, культурологов, психологов, историков. И третье направление – феномен *ex libris* как признак библиотечного дела.

Понимание архетипического образа и библиотечного архетипа в библиотековедении отличается от концепции архетипа в трудах К.Г. Юнга и его последователей. Условно все концепции архетипа можно разделить на «юнгианские», в русле психоаналитики, мифологические, литературоведческие и, собственно, библиотековедческие. В 2000-е гг. в отечественном литературоведении понятие «архетип» используется уже как собственно литературоведческая категория. Однако сложность изучения литературных архетипов остается из-за отсутствия до сих пор единой их классификации [29].

Сведёние роли и значения архетипов только к функции хранителя памяти накопленного знания, неверно – это лишь одна из сфер их деятельности. На самом деле, библиотечные архетипы, например, всегда находятся в развитии из-за зависимости от исторического контекста. Именно здесь хранится ключ для соединения теории архетипа и практики библиотечного процесса, определяемого глубинными кодами культуры, ее памятью, хранимой в образах в свернутом виде.

Коллективное бессознательное – вот тот проект, в русле которого будет совершенствоваться история библиотечных архетипов. Коллективное бессознательное изначально сознавало себя в отношении взаимодействия к разным направлениям в филологии, психологии, литературоведении и, конечно же, в книговедении, библиотековедении, библиографоведении.

Обращение к первообразам обогащает науку о мифе, о чем свидетельствуют философские и литературоведческие работы. Так, новые смысловые оттенки идей Юнга получили, например, у литературоведов.

Связь между мифом и литературой через архетипы установлена Е.М. Мелетинским. В трудах «Поэтика мифа», «О литературных архетипах» он развивает юнговские идеи, рассматривая архетип уже не как образ, а как микросюжет. Согласно Е.М. Мелетинскому, архетипы: «первичные схемы образов и сюжетов, составившие некий исходный фонд литературного языка, понимаемого в самом широком смысле» [29, с. 11].

Эта сфера все время пополняется, что свидетельствует об интересе к феномену архетипа в разных областях гуманитарного знания – психологии, культурологии, филологии, философии, искусствоведении, литературоведении [14, с. 32–40]. Например, в психологии акцент делается на место и роль архетипа в структуре личности, а архетип уже понимается как способ связи образов, переходящих из поколения в поколение. Архетипы задают структуру личности и последовательность образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности [7, с. 26]. В литературоведении сфера архетипов также расширяется. Они определяются не как первичные сюжеты, мотивы, схемы, а как базовые концепты, которые в человеческой практике обретают то или иное имя. В пространстве словесного творчества архетип проявляет себя как именованная сущность [9, с. 55].

В области изучения мифа архетипы: «прообразы универсальных мифологических мотивов и сюжетов, которые формируются в сфере «коллективного бессознательного» и реализуются не только в явлениях бессознательного (сны и т.п.), но и в мифотворчестве: архетипы отражают не только реалии мира, сколько свойства и состояние психики» [6, с. 689].

Что дает освоение феномена архетипа в сфере библиотечно-информационной деятельности? Прежде всего, происходит обогащение понятийного и методологического аппарата библиотековедения за счет введения в него новых терминов и, соответственно, формирования новых подходов. Архетипический подход помогает прояснить содержание проблемы, определить в библиотечном процессе тот или иной смысл (архетипы или их взаимодействие), углубиться в интерпретацию процесса. Необходимо также помнить о возможностях воздействия архетипа на читателя.

Архетип, как указывал Юнг, есть динамический образ и находится всегда в действии. Отсюда появляется возможность рассматривать архетипический образ в ретро- и перспективе, прослеживая его трансформацию во времени. Изучение архетипических образов в контексте культуры какого-либо исторического периода поможет выявить отдельные или наиболее популярные и знаковые. Это будет обогащать представление об эпохе и ее влиянии. Таким образом, исследовательский потенциал архетипов и их научное осмысление имеют для науки и практики исключительное значение.

В настоящее время библиотековедение находится в процессе разработки подходов изучения архетипа. Исследователям предстоит внимательно изучить вопросы, связанные с понятием архетип и архетипический образ применительно к библиотечно-информационной деятельности.

Мы возьмем за основу уже устоявшееся в гуманитарной науке понятие *«архетипический образ»*, под которым понимается *«образ, аккумулирующий многовековой культурный опыт, допускающий вариативность, но в то же время узнаваемый и интуитивно воспроизводимый в художественном произведении»* [13, с. 59–60]. Такое определение закрепилось в литературоведении, культурологии, искусствоведении и использовано в целом ряде диссертационных исследований, рассматривающих с разных сторон проблематику архетипического¹.

¹ См.: Крюкова О.С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века: автореф. дис. докт. филол. наук. Москва, 2007. 43 с.; Пивнева Н.С. Архетипические образы в русской культуре: автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 21 с.; Верба Н.И. Архетипический образ морской девы в музыкальной культуре: автореф. дис. докт. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2021. 48 с.

Сделаем небольшое уточнение. По нашему определению, архетипический образ в библиотековедении – это библиотечный образ, являющийся результатом деятельности универсальных, врожденных структур человеческой психики, накопивший многовековой опыт в библиотечно-информационной деятельности, книжной практике и культуре в целом.

ГЛАВА 4

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Библиотечно-информационная деятельность осуществляется как на основе самоорганизации под влиянием внешней и внутренней среды, так и под воздействием новых идей и управленческих решений. Обратимся к проблеме коллективного бессознательного и архетипов как инициаторов социальных процессов, в том числе библиотечно-информационной деятельности. Выявление архетипов в библиотечно-информационной деятельности представляет ряд сложностей. Мы можем говорить о коллективном библиотечно-информационном пространстве, сложившемся на основе единого генетического кода, самоорганизации процессов библиотечного бессознательного и памяти культуры: через чтение и восприятия библиотечно-библиографической информации, обратное воздействие на библиотечный процесс. Таким образом, формирование библиотечного архетипа отражает процессы общекультурного взаимодействия и собственно библиотечной эволюции.

Сведение роли архетипа только к функции хранителя памяти книжной культуры отражает их восприятие в статике, а не в динамике, не в движении. На самом деле библиотечный архетип всегда находится в развитии, в движении через века, меняясь от исторического контекста. Речь идет о включенности библиотечного архетипа в исторический процесс, в «осмыслении бытия». Архетипы коллективного бессознательного являются когнитивными образами. Архетипические образы *всегда* сопровождали человека. Они служат источником мифологического искусства, а мифология изначально является способом обработки архетипических образов.

Цель нашего рассмотрения – не только обозначить роль архетипических, бессознательных факторов в формировании общественного

сознания, но и показать непротиворечивость подхода и феномена коллективного бессознательного как ключевого компонента при изучении библиотечных явлений. Архетипы, бессознательное, по Юнгу, «не просто склад воспоминаний из прошлого». Архетип одновременно элемент социокультурного взаимодействия. Здесь могут возникать совершенно новые мысли и идеи, которые никогда ранее не осознавались. Такого рода архетипы инициируют стимул к созданию мифов.

«История библиотек живет мифом, – отмечает французский исследователь Кристиан Жакоб. – Главными полюсами воображения являются Вавилон и Александрия» [15, с. 11; 17]².

Процесс мифотворчества есть не что иное, как трансформация архетипа в образы, высказывания о бессознательных душевных событиях. Они способны впечатлять, внушать, увлекать. Отсюда актуальна роль архетипа для библиотечной деятельности.

Юнгеанство рассматривает творческий процесс у человека прежде всего, как оживление архетипа. Поэтому творческий процесс у него подобен существу, ведущего автономную жизнь в душе человека, независимому от сознания [11, с. 7].

Связь между мифом и библиотекой через архетип формируется на архетипической основе. Образы в разное время появляются в сознании людей, они как бы всплывают.

Получается, что форма библиотеки, с которой человек существует, уже врожденна в нем, словно образ. В библиотечно-информационной деятельности преобразование архетипического образа характеризуется качеством «вторичности» и зависит от его впечатлений при знакомстве в фольклоре, поэзии, прозе, науке. Вместе с тем у библиотечно-информационной деятельности есть свои способы представления подобных образов.

Проиллюстрируем присутствие архетипа примерами из опыта Библиотеки Академии наук. Историческая заслуга Петра Великого состояла в том, что он первый решил стимулировать в России библиотечную деятельность ради нее самой. В частности, путем основания в 1714 году государственной библиотеки, которая создавала благо-

² Кристиан Жакоб – сотрудник Национального центра научных исследований Франции. Его статья «Урок Александрии» убедительное доказательство сказанному [17, с. 49–57].

приятные условия для научной, образовательной и просветительской деятельности. Трудно догадываться о субъективных причинах, побудивших Петра принять такое решение. Считается, что большую роль в этом вопросе сыграла его общение с Г. Лейбницем во время путешествий в Европу. Идея заключалась в том, чтобы объединить ученых и их воспитанников вокруг библиотеки и научных учреждений в целях сотрудничества, способствующего прогрессу научного знания.

Библиотекарю И.-Д. Шумахеру оставалось только расширить этот план, опираясь на мудрость Петра. Одной из главных задач, стоявших перед ним, было приобретение литературы для библиотеки. В нее поступила литература по всем областям знания, которую можно было приобрести: историческая, философская, медицинская, эпическая, драматическая, лирическая [24, с. 64–69].

Таким изначально был процесс формирования архетипического образа Библиотеки Академии наук. В стенах одного здания рождалась культура интеллектуальной элиты. Ее особенности наложили отпечаток даже на область искусства. Подобная библиотека могла существовать только в Санкт-Петербурге.

Приведу еще пример присутствия архетипов в истории библиографии и в современной библиотечно-информационной деятельности, опираясь на исследования А.И. Малеина [26, с. 173–181]. Автором, по моему мнению, показано, что в мировой библиографической традиции архетипом, отражающим библиографическое начало в его сочетании с творческим потенциалом, можно считать Каллимаха, ставшего ключевым персонажем литературных и библиотечных произведений и автором разных стран. Авторские интерпретации дополняли и предлагали множество поисков своеобразных вариантов.

Таким образом, можно установить присутствие архетипа как кода в истории библиотечно-информационной деятельности в целом и в современной библиографической ее интерпретации.

ГЛАВА 5

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК («БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ»)

*«Изучать сегодня Александрию
значит самому сделаться александрийцем»
Кристиан Жакоб [33, с. 7]*

В мировой культуре традиции архетипом, отражающим библиотечное начало в его сочетании с творческим потенциалом, можно считать Александрийскую библиотеку. Обратимся к юнговским архетипам, к устойчивым формам коллективного бессознательного, используя феномен Александрии и Санкт-Петербурга. Казалось бы, бездна из более чем двух тысячелетий отделяло их друг от друга. Могло ли у этих городов быть что-либо общее? Оказывается, могло. Удивительно, но самое общее – на поверхности. И там, и здесь основателями столичных городов явились первые лица государства. Изначально они были поразительно схожи, и это тоже не мифическое совпадение. Миф, как отмечалось, может развлекать, разрушить, но может и объединять.

Перечислим некоторые «странные сближения» Александрии и Санкт-Петербурга. Коллективное бессознательное предстает в виде архетипов, а бессознательное, как уже было сказано выше, это и есть совокупность архетипов.

1. Александрия и Санкт-Петербург расположены на одном градусе, на 30-м (Пулковском) меридиане. Координаты Библиотеки Академии наук (вестибюля) 59 56,6 северной широты и 30 17,8 восточной долготы. Напомню, что вдоль тридцатого меридиана выстроились главные центры цивилизации: Мемфис, Фивы, Александрия, Каир,

Хартум, Претория, Дамаск, Афины, Константинополь (Стамбул), Киев, Великий Новгород. Такого количества столиц нет ни на одном меридиане. Расставаясь со стариной, Петр, видимо, нуждался именно в такой географической точке (Москва расположена на 38 меридиане). Как и Александрия, а потом и Константинополь, и Киев, они связаны с именем своего основателя.

2. Александрия и Санкт-Петербург явились местом, где зарождавшаяся наука и культура концентрировалась в пределах одного города.

3. Александрийский Мусейон (Музей) и императорская Академия наук в Санкт-Петербурге возникли как государственные научные учреждения.

4. Александрийская библиотека и Петербургская БАН формировались как государственные публичные библиотеки, доступные для всех желающих.

5. Основной корпус литературы в Александрийской библиотеке составляли греческие книги, в петербургской БАН первоначально фонд составляла нерусская литература.

6. Первыми директорами библиотек в Александрии и Санкт-Петербурге были иностранцы. Александрийской библиотекой 166 лет управляли греки. В Санкт-Петербурге в XVIII веке 72 года руководящие должности занимали немцы.

7. Контракт с будущими директорами библиотек заключали первые лица государства бессрочно, т.е. пожизненно.

8. Совпадают и трагические события в жизни этих библиотек. В тысячелетней истории Александрийской библиотеки было три пожара. Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге за 310 лет своей истории тоже пережила три пожара (1747, 1901, 1988 гг.).

9. Основным языком коммуникации в эллинском мире был греческий. В Библиотеке Санкт-Петербурга первоначальное общение шло на немецком языке и латыни. Первые труды и периодические издания выходили сначала на этих языках, а потом уже на русском.

10. Самое главное совпадение состоит в том, что и в Александрии греческая, и в Петербурге западная наука и культура были искусствен-

но перенесены на чужую почву, впитались в нее и пережили периоды небывалого расцвета [21, с. 221–228; 37, с. 44–54].

Как изложенное можно объяснить? Полагаем, что все эти совпадения являются яркой иллюстрацией юнговского коллективного бессознательного и его носителей – архетипических образов. Логично предположить, что для изучения подобных фактов необходимо привлекать не только историков, культурологов, библиотекарей и работников музеев, но и психологов, которые сделают профессиональный комментарий к явлениям «странного сближения».

* * *

Исследование архетипических образов в книжной культуре представляет собой актуальную область современного книговедения, библиотековедения и библиографоведения. Накопление сведений о способах их записи, классификации поможет понять не только природу таких образов, но и более глубоко осмыслить особенности стиля книжной культуры изучаемого периода.

Образ библиотеки и сопряженный с ним сюжет претендует на статус архетипических. Они раскрывают сложные взаимоотношения человека и книги. Образ книги формирует вокруг себя сюжеты, которые, отличаясь в деталях, демонстрируют общую картину.

Процесс мифотворчества вызывает к жизни интерес к архетипическим образам, сюжетам, проблематике архетипа в целом. Это та территория, на которой ведут диалог ученые из различных областей знания и библиотекари, обогащая представление об этих объектах, обнаруживая точки пересечения в понимании и подчеркивая их специфику для каждой сферы гуманитарного знания.

Изучение архетипических образов важно для развития библиотечной науки. Обращение к ним может прояснить особенности бытия какого-либо образа и связанного с ним сюжета в контексте книжной культуры, выявить особенность его запечатления средствами библиотечно-библиографического языка. Кроме того, изучение архетипического образа в междисциплинарном контексте приводит к увеличению возможностей его интерпретации.

Изучение архетипических образов и средств их выражения помогает приблизиться к проблеме архетипического в библиотечной деятельности, то есть послужить основой к познанию сущности библиотечных архетипов, сформировавшихся в ходе исторического развития и отраженных в человеческом сознании.

РАЗДЕЛ II

САМООРГАНИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕКИ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

ГЛАВА 6

О САМООРГАНИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ БИБЛИОТЕЧНО- ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обращение отечественной библиотечной науки к новым для нас методологическим подходам является необходимым условием понимания ее современного состояния. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена двойным контекстом: своеобразием феномена самоорганизации в библиотеке, с одной стороны, и методами его библиотекведческой интерпретации, с другой.

Исследование проблем самоорганизации впервые было начато в кибернетике в конце 50-х годов XIX века. Термин «самоорганизующаяся система» впервые ввел в оборот в 1947 г. английский психиатр, нейрофизиолог и специалист в области кибернетики Уильям Росс Эшби (1903–1972). В сферу его научных интересов входили проблемы исследования мозга, изучение принципов самоорганизации, адаптивных процессов, различные стороны интеллектуальной деятельности человека [46, с. 487–488].

В самом общем виде самоорганизация – качественное изменение системы в целом, связанное с повышением уровня ее сложности и организованности. Наличие сложности означает, что процессы усложнения должны быть естественными.

«Различают три типа процессов самоорганизации. Первый – самозарождение организации, т.е. возникновение из некоторой совокупности целостных объектов определенного уровня новой целостной системы со своими специфическими закономерностями. Второй тип – процессы, благодаря которым система поддерживает определенный уровень организации при изменении внешних и внутренних условий ее функционирования. Третий тип процессов самоорганизации связан с развитием систем, которые способны накапливать

и использовать прошлый опыт... В современных исследованиях по самоорганизации изучается проблема соотношения хаоса (беспорядка) и космоса (порядка), впервые поставленная еще в античной философии» [46, с. 487–488].

В настоящее время выделяют следующие виды самоорганизации: техническую, биологическую и социальную. *Техническая* самоорганизация (как процесс) представляет собой набор приспособительных систем, обеспечивающих заданную работоспособность вне зависимости от условий функционирования. *Биологическая* самоорганизация основана на генетической программе сохранения вида (как процесс) путем его приспособления к конкретным условиям существования. *Социальная* самоорганизация (как процесс) основана на социальной программе, включающей изменяющиеся во времени приоритеты интересов, установок, ценностных ориентаций, мотивов и целей относительно постоянных во времени законов организации.

С 1980-х годов развивается такой междисциплинарный подход как теория самоорганизации или синергетика (от греч. *Synergia* – совместное действие) [28]. Синергичный взгляд на формирование библиотечных процессов во многом совпадает с учением Юнга, с теорией архетипов социального бессознательного. Сошлемся на оригинальную статью В.Б. Михно «Синергетическая парадигма в концепции архетипа К.Г. Юнга», в которой рассмотрен современный взгляд на синергетическую парадигму в свете интерпретации концепции архетипа К.Г. Юнга. Акцент автором делается на том, что среди первоначально представленных Юнгом характеристик архетипа встречаются такие, которые в русле синергетики являются признаками открытых систем. Имеется в виду постоянная подвижность архетипа, которая проявляется только при помощи проекции [30, с. 81–86]. Поэтому наиболее удачной позицией по отношению к коллективному бессознательному и для науки о самоорганизации можно принять установку на диалог, на междисциплинарность.

Самоорганизация является обобщенным понятием, раскрывающим особенности совместной библиотечно-информационной деятельности, образующихся инициативно или регламентированно для достижения познавательных целей. Основанием для взаимодействия в рамках совместной библиотечно-информационной деятельности

выступает их соответствие целям и возможностям совмещенной системы. Понятие среды является основой для понимания механизма самоорганизации. Среда рассматривается как носитель ее будущих форм. Синергетика описывает только один аспект процесса развития – самоорганизацию.

Современное библиотековедение достигло того уровня, когда можно ставить и искать ответы на вопросы, известные с давних времен [40, с. 760–763]. В середине XX века произошел переход с анализа библиотечных проблем как основного инструмента исследования к *синтезу*, исследование свойств целого, которыми не обладают его части.

Главной загадкой, оставленной библиотековедами прошлых столетий, является сам человек, т.е. личность библиотекаря. Мышление, сознание, память, огромный внутренний мир определяются гигантской сетью связей, возникающих в ходе самоорганизации. Самоорганизация также играет принципиальную роль в ходе нашего развития и обучения [27, с. 340–351].

В условиях недостатка новых идей и подходов в библиотечной науке теория самоорганизации (синергетика) может стать существенным пунктом в познании библиотеки. Так, Е.И. Полтавская отмечает, что осознание эвристических возможностей синергетики, понимание «исчерпываемости» методологического потенциала классической науки приводят к развитию синергетических идей и в анализе библиотечных процессов [34, с. 10–18]. В соответствии с определением автора, «библиотека характеризуется как открытая, органичная, иерархическая и управляемая антропо-социо-культурная система, обладающая интегративным свойством» [34, с. 10].

Процесс самоорганизации конструирует модель библиотековедческого познания социальной системы: книга – библиотека – материально-техническая база – читатель». Благодаря общению, формируются психологические и социальные средства коммуникации.

Акт коммуникации – это акт самоорганизации, и он несет в себе творческий потенциал. Библиотековедение в такой концепции выступает познавательным компонентом, выступает как средство интерпретации. Оно создает среду интерпретации действительности, ставя цель достижения нового качества. Однако среда постоянно возму-

щает библиотеку как систему и насыщает ее энергией. Даже в относительном покое библиотека находится не в равновесии, а на грани хаоса и порядка, то отклоняясь от равновесия, то приближаясь к нему. В результате ее поведение становится понятным и в целом направлено на подтверждение возникшего порядка. В то же время отдельные его элементы отличаются неустойчивостью. Так происходит переход в новое состояние порядка. Если неравновесное состояние является основным, в библиотеке постоянно происходят неравновесные переходы. Тогда ее поведение становится неопределенным, несмотря ни на какие внешние «совершенствования».

В отличие от традиционных форм организации, самоорганизация библиотеки служит источником пробуждения инициативы в библиотечно-информационной деятельности, например, в каждый период своей истории библиотека получает возможность реализовать функции научного центра по изучению приоритетов в производстве библиотечных услуг.

По мере возрастания сложности самоорганизации и ее упорядоченности, в ней возникают качественные преобразования, которые невозможно предсказать заранее, но которые приводят к развитию системы, переходу на более высокий уровень. Понятие самоорганизации – качественное изменение в целом, связанное с повышением уровня сложности и организованности.

Самоорганизация библиотечно-информационной деятельности отличается известной свободой, в частности помогает выявить новые связи, выбрать технологию адекватного информационного обеспечения. Столкновением интересов и действий не разрушает взаимодействие, а приводит его в некой упорядоченности на основе общих целей и правил разделяемых участниками библиотечного процесса. Подчеркнем, что самоорганизация библиотечно-информационной деятельности не всегда выполняет конструктивную роль. Она может быть деструктивна под воздействием негативных сторон социокультурной среды. По этой причине самоорганизация библиотеки нуждается во внимании, коррекции и поддержке. В любом случае самоорганизация не должна подменять администрацию.

Итак, библиотека – социальная саморегулирующаяся система – сложная система, способная при изменении внешних или внутренних

условий ее функционирования и развития сохранить или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта.

Способность к социальной самоорганизации усиливает человеческие возможности находить, доставлять, сортировать, оценивать и отбирать знания, а также продолжать увеличивать и развивать их.

В этом контексте биологическую нейронную сеть можно сравнить с предприятием, и, в частности, с библиотекой. *«Директор получает сведения от своих заместителей, они берут информацию у зав. отделами и так вплоть до все более широкого круга библиотекарей низшего звена. Причем подчиненные библиотекари не передают на вышестоящий уровень вообще всю информацию о своей работе, а только ее некоторые результаты. Члены дирекции точно также не управляют всеми действиями зав. отделами, а только окончательно формируют цели всей библиотеки, исходя одновременно из тех сводок, которые им представили, а также из своих представлений о цели исследования.*

Точно также в нейронной сети мозга каждый нейрон получает информацию от связанных с ним нейронов, суммирует ее, обрабатывает и выдает ответ. Точно также цель влияет на низлежащие уровни. При этом понятно, что члены дирекции без информации от подчиненных станут обычными библиотекарями, не отличающимися от работников низшего звена» [18, с. 16–17].

Биологическая нейросеть не существует как привычный статичный объект. Это постоянно меняющаяся активная, «живая», система.

Архетип есть результат деятельности самоорганизации сознания в качестве конкретного образа. Архетипом библиотечной самоорганизации стала библиотека, обеспечивающая связь между библиотечной наследственностью и социально-культурными институтами (биосоциальная связь). Факт самоорганизации библиотеки подтверждается культурологически (миф), психологически (архетип), философски (связь) и естественно-научно (синергетические исследования) [20, с. 143–155].

Подведем предварительные итоги. Библиотека как самоорганизующаяся система адаптируется к любым системам библиотечно-информационной деятельности и к разнообразным информационным запросам. По этой причине самоорганизация библиотеки нуждается в постоянном внимании и согласовании. Их суть в стимулировании одних информационных процессов, в том числе ресурсных, и в сдерживании и предупреждении других. Так достигается устойчивость процесса самоорганизации библиотеки, обеспечивается жизнеспособность ее структур и открываются большие возможности ее обновления [10, с. 127–132].

Остается еще один вопрос: каковы механизмы такой организации? Интересным с этой точки зрения представляется анализ современной книжной культуры и особенно исследование архетипической основы современного мировосприятия, ибо оно определит в ближайшем будущем, каковы будут социальные и культурные нормы нашего общества.

РАЗДЕЛ III

КНИГА В НЕЙРОНАУКЕ: ПРОЕКТ «КОГНИТОМА»

ГЛАВА 7

О ФЕНОМЕНЕ КОГНИТОМА

Начало XXI века отмечено социальными и культурными изменениями в нейронауке, которая породила новые дисциплины: нейроэкономику, нейроэстетику, нейросоциологию и т.д. Эти изменения привели к открытиям, касающимся природы и особенностей познавательной деятельности, интерпретации субъекта и его активности.

Исследования в области нейронауки показывают, что культура оказывает существенное влияние даже на процессы, протекающие в мозге [8; 44, с. 4–18]. Влияние социально-культурных изменений в нейронауке еще недостаточно подвергалось обстоятельному осмыслению под углом зрения ее значения для библиотековедения и книговедения. Анализ этого влияния предполагает синтез знаний и представлений, которые получаются в самых различных областях науки, связанных с изучением человека и его когнитивных способностей.

Взгляд с позиций современной нейронауки на человека как субъекта познания может быть рассмотрен в рамках «теории когнитома», автором которой является академик РАН Константин Владимирович Анохин. В наиболее общем виде когнитом – это полная система субъективного опыта, сформированного в организме в процессе эволюции, индивидуального развития и обучения [3, с. 39–71]. Под когнитомом К.В. Анохин понимает структуру, а под понятием «сознание» – социальные процессы, которые протекают в этой структуре. В ней также протекают другие процессы, психические. Она может сохранять себя и в отсутствие процессов. Структура когнитома и его динамика охватывают все многообразие ментальных явлений, связанных с поведением, психикой и познанием. Когнитом является, таким образом, теоретически насыщенным определением разума (mind) [4, с. 18–19; 45, с. 83–89].

Приведем три главных вопроса и ответы в теории Анохина: 1) Что такое мозг? Любой мозг – это сеть; 2) Что такое разум? Любой разум – это сеть; 3) Как соотносятся мозг и разум? Разум – это гиперсеть мозга. Разум – это структура. Разум человека – это многоуровневая структура. Задача фундаментальной теории мозга и разума – описание этих структур, их происхождения, функций и процессов в них [5, с. 230–235].

Как образуются узлы и связи в этой сети? Когнитивная гиперсеть головного мозга – это такая сеть, где узлы в ней представляют совокупность узлов ниже лежащей сети. Гиперсеть мозга – наше «я». Это и есть наша Вавилонская библиотека, в которой записан текст [41].

Распределенная по мозгу сеть нейронов сцеплена единым когнитивным опытом. Каждая такая сеть, содержащаяся в памяти нашего мозга, нашего сознания – это когнитивный элемент. Имя ему – ког (Cognitive Group – COG). В совокупности коги образуют систему опыта конкретного организма, которая называется *когнитом*.

Когнитом – гигантский сгусток памяти, полное собрание сочинений мозга [38]. Теория К.В. Анохина выделяет несколько уровней возникновения когнитивных групп (элементов гиперсети) и их описание в процессе эволюции. Мы не знаем многих этих когнитивных частиц (когов), но некоторые из них связаны символами и словами. Это делает когнитом самостоятельным системным объектом для описания и экспериментального изучения. В наиболее общих местах он может быть отождествлен с памятью индивида. Память становится научным выражением представления о душе человека. Другими словами, совокупность всех знаний личности есть разум или психика индивида. Книга в этом контексте – феномен когнитома, субъективное путешествие с нашим опытом и с памятью.

ГЛАВА 8

КНИГА КАК ВНЕШНИЙ КОГНИТОМ

На вопрос академику К.В. Анохину: «Можно ли рассматривать книгу как когнитом?» Константин Владимирович ответил: «Книга – это внешний когнитом» и добавил, что, исследуя книгу как внешний когнитом, как сеть, мы, с одной стороны, применяем к ней экспериментальные методы нейронауки, а с другой – двигаемся в сторону изучения мозга и сознания. Книга как внешний когнитом несет элементы нашего «Я», которые возникают в результате общения нашего «Я» с окружающим миром. Заполнение разрыва между мозгом и книгой (библиотекой) есть проявление внешнего когнитома [22, с. 77–83].

Если книга – внешний когнитом, то теория когнитивных систем становится аспектом изучения книговедения, библиотековедения и библиографоведения, и наоборот: эти дисциплины обогащают изучение вопросов нейробиологии, мозга и разума, т.е. когнитома.

«Внутренняя» книга в нас уже заложена в организме, она говорит на своем языке. Это не копия жизни, а отдельный мир или даже концепция мира. Внешний когнитом представляет собой ее интерпретацию, причем всегда разную и авторскую. Текст знает больше автора. Итак, книга в концепции К.В. Анохина, в каждом из нас уже есть, автор не должен ее сочинять. Он должен ее лишь перевести в процессе чтения. А это очень сложная задача.

Чтение текста – самая сложная загадка для мозга человека, самый сложный вызов. Почему? Потому что в процессе чтения мы должны преобразовать буквенные символы в слова и только потом в образы и смыслы. Это двойная задача, ибо, когда мы слышим речь или видим картинку, мы делаем только один «шаг» для мозга. Благодаря чтению как вызову для мозга и мышления создается возможность проникнуть

в умы других людей. Рассказанные истории, мысли окружающих делают нашу жизнь богаче. Понять книгу как внешний когнитом можно только в соединении средств нейронауки и гуманитарных наук: филологии, психологии, социологии, лингвистики, цифровых методов гуманитарных наук (Digital Humanities – DH).

Везде, где есть книга, там есть память, но мы не можем сказать, что везде, где есть память, там есть книга. Книга – это не психический процесс в психофизиологическом смысле слова. Но очень важно иметь в виду, что любой психологический процесс может быть представлен как в объективном плане (внешний когнитом), так и в форме гиперсети («внутренний» когнитом). Эта психологическая двойственность существует как двойственность психологии и онтологии.

Книга есть уровень, где синтезируются конкретные психологические процессы, которые на этом уровне уже не являются самим собой, а относятся к памяти. Факт запоминания есть факт свершения события.

* * *

В заключение еще раз подчеркнем, что книга как внешний когнитом отбирает из человеческого «Я» (уникального когнитома) лица и объекты книговедения, библиотекведения, библиографоведения, высвечивает базовые понятия и определения, показывает междисциплинарные связи гуманитарных наук. Такая книга не просто обрабатывает отобранную информацию, она ее создает и дает книговедческим дисциплинам качественно новое знание для дальнейших исследований [23].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Различные междисциплинарные направления современного библиотековедения, библиографоведения и книговедения изучают проявления одной и той же скрытой, но единой нейрореальности – когнитома. Однако глубинная природа когнитома все еще труднодоступна широкому научному пониманию. Особенно это видно на примере взаимодействия архетипических образов в книжной культуре и самоорганизации совместной библиотечно-информационной деятельности. На наш взгляд, это свидетельствует о необходимости комплексной межкультурной работы в данных направлениях, в их объединении.

Какие задачи стоят перед проектом по междисциплинарности сотрудничества? Прежде всего, в нем должны содержаться ответы на вопросы об архетипических образах, как они возникают в организме в ходе социо-биологической эволюции? Следующий вопрос – о роли и значении самоорганизации совместной библиотечно-информационной деятельности, каково ее предназначение, как она работает, включая память?

В своих объяснениях междисциплинарность должна, с одной стороны, опираться на факты нейронауки, а с другой – на субъективный опыт.

Перспективы изучения архетипа заключаются в ориентации на построение истории библиотечного дела с точки зрения его базовых моделей развития. Именно здесь может быть ключ к возможному соединению теории архетипа и практики библиотечно-информационной деятельности, определяемой памятью, хранимой в образцах библиотечной деятельности.

В контексте современных исследований понятие «архетип» приобретает своеобразную интерпретацию, выступая как «социальное бессознательное». Будучи надындивидуальным явлением, социальное

бессознательное оказывает скрытое влияние на формирование знания и памяти людей, которые сохраняются в форме архетипических представлений. Одним из наиболее ярких способов сохранения социальной памяти в архетипе является «архетипическое поведение». Его основными характеристиками являются национальные, этические и культурные доминанты. По своей природе архетипическое поведение проявляется спонтанно [25, с. 64].

В последнее время наблюдается существенный прогресс в сфере когнитивных исследований. Особо следует отметить формирование нового направления – нейрокниговедения [23]. В его основу положена предложенная академиком РАН К.В. Анохиным программа «когнитума», которая раскрывает проблему книговедческой деятельности с точки зрения влияния на нее различных нейробиологических структур. Она помогает объяснить, как в эволюции организма появилась книга, или, другими словами, гиперсеть, в которой составляющими являются элементы нашего субъективного опыта.

Обратимся к проблеме связи архетипа и самоорганизации совместной библиотечно-информационной деятельности. Связь эта реальна, так как библиотечные архетипы несут в себе априорное знание. Наиболее удачной позицией по отношению к коллективному бессознательному и для самоорганизации следует признать установку на диалог, на междисциплинарность. Сознательно выстроенную библиотечную систему, способную обеспечить информацией все определенные уровни жизни в аспекте синергетического подхода, можно определить, как процесс самоорганизации библиотечной сферы.

Самоорганизация совместной библиотечно-информационной деятельности была и остается распространенным явлением библиотечной жизни. Взаимодействие человека с миром книги опосредовано взаимодействием с другими людьми, а совместная библиотечная деятельность может быть понята как одна из форм такого опосредования. Если взаимодействие произошло, то происходит не только отображение, но и порождение нового как результат их взаимопроникновения. Самоорганизация совместной библиотечной деятельности – феномен, который притягивает, однако заставляет спорить о его ценностях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверинцев С.С. Аналитическая психология К. Юнга и закономерности творческой фантазии / С.С. Аверинцев // О современной буржуазной эстетике. – Москва, 1972. – Вып. 37. – С. 110–156.
2. Аверинцев С.С. Архетипы / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. – Москва, 1980. – Т. 1. – С. 110–111.
3. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. – Т. 71, № 1. – С. 39–71.
4. Анохин К.В. Коннектом и когнитом: заполнение разрыва между мозгом и разумом // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2016. – С. 18–19.
5. Анохин К.В. Мозг, сознание, интеллект (проект «когнитома») // Александр Зиновьев и актуальные проблемы логики и методологии: докл. участников логического семинара «Сохранение и приумножение научного (логико-философского) наследия А.А. Зиновьева». – Москва, 2017. – С. 230–235.
6. Архетип // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – Москва : Сов. энциклопедия, 1991. – С. 689.
7. Архетип // Психология : словарь / сост. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Москва, 1990. – С. 26.
8. Бажанов В.А. Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. – Москва : Канон – РООН «Реабилитация», 2019. – 288 с.
9. Большакова А.Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. 2010. – № 7. – С. 47–57.

10. Бродова И.А. Библиотека как самоорганизующаяся информационная система // Книжная культура Ярославского края: материалы науч. конф. 10–11 окт. 2007 г. Ярославль, 2007. – С. 127–132.

11. Брушлинский А.В. Предисловие // Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. Пер. с нем. – Москва : Прогресс, Универс, 1994. – 336 с.

12. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. – Санкт-Петербург, 1861. – [8], IV, 643 с., [24] л. ил.

13. Верба Н.И. Архетипический образ морской девы в музыкальной культуре: дис. докт. искусствоведения / С.-Петерб. гос. консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова. – Санкт-Петербург, 2021. – 562 с.

14. Верба Н.И. Проблематика архетипического в музыкальном искусстве // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2019. – № 1 (51). – С. 32–40.

15. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. – Санкт-Петербург: Профессия, 2002. – 351, [1] с., XXXII с. цв. ил. : ил., портр., факс.

16. Дворкина М.Я. Библиотечное дело и библиотечная деятельность // Книжный мир сегодня и завтра: Десятая междунар. науч. конф. По проблемам книговедения: Тез. докл. – Москва : Наука, 2002. – С. 239–241.

17. Жакоб К. Урок Александрии / перевод Н.М. Баженовой // Петербургская библиотечная школа. – 2003. – № 3 (24). – С. 49–57

18. Иванников М.А. Проявление самоорганизации в работе организма и мозга // Научно-техническая библиотека SciTecLibrary. – URL: <http://www.sciteclibrary.ru/yabb26/Attachments/Nm5.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).

19. Карл Густав Юнг о современных мифах : сб. трудов / пер. с нем., предисловие и примечания Л.О. Акопяна ; под ред. М.О. Оганесяна и Д.Г. Лахути. – Москва : Практика, 1994. – 252 с.

20. Козолупенко Д.П. Архетип как фактор самоорганизации сознания // Мир психологии. – 2011. – № 2 (66). – С. 143–155.

21. Леонов В.П. «Бывают странные сближения»: Александрийская библиотека и Петербургская БАН // Феномен Петербурга: тр. 2-й междунар. конф. 27–30 нояб. 2000 г. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 221–228.

22. Леонов В.П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиография и книговедение. – 2020. – № 1. – С. 77–83.

23. Леонов В.П. Нейрокигловедение: опыт когнитивного исследования. – Санкт-Петербург : Библиотека РАН, 2023. – 80 с.

24. Леонов В.П. Петр Великий и Библиотека Академии наук // Библиотековедение. – 2010. – № 6. – С. 64–69.

25. Лойко О.Т. Миф – архетип – текст – литургия : бытие социальной памяти. – Томск : Дельтаплан, 2018. – 194 с.

26. Малейн А.И. Начала библиографии в Греции и «Таблицы» Каллимаха // Библиограф. – Санкт-Петербург, 1893. – С. 173–181.

27. Малинецкий Г.Г. Культура, гуманитарное знание и теория самоорганизации // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 340–351.

28. Малинецкий Г.Г. Пространство синергетики. Взгляд с высоты. – Москва : Либроком, 2013. – 248 с.

29. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – Москва : РГГУ, 1994. – 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).

30. Михно В.Б. Синергетическая парадигма в концепции архетипа К.Г. Юнга // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. 4. – 2006. – № 7. – С. 81–86.

31. Найдыш В.М. Происхождение архетипов коллективного бессознательного // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2004–2005. – № 1 (10–11). – С. 27–47.

32. Пилко И.С. Библиотечная технология : общий курс : учебное пособие для вузов культуры и искусства / И. С. Пилко ; Министерство культуры РФ, Кемеровская государственная академия культуры и искусства. – Кемерово : КемГАКИ, 2000. – 177, [1] с.

33. Поластрон Л. Книги в огне : история бесконечного уничтожения библиотек / Люсьен Поластрон ; пер. с фр. Н. Васильковой [и др.]. – Москва : Текст, 2007. – 393, [4] с.

34. Полтавская Е.И. О системно-синергичном взгляде на Библиотеку // Науч.-техн. информация. Сер. 1. – 2006. – № 11. – С. 10–18.

35. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – 381 с.

36. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. Избр. работы / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. – Москва : Прогресс, 1983. – 606 с.

37. Опенков М.Ю., Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. Опыт Александрийской библиотеки в контексте экономики знаний // Вопр. философии. – 2021. – № 1. – С. 44–54.

38. Орлова О. Наш разум – это гиперсеть Интервью с чл.-корр. РАН К.В. Анохиным // Троицкий вариант. – 2015. – № 8 (177). 21 апреля. – URL: <https://www.trv-science.ru/2015/04/nash-razum-eto-hyperset/> (дата обращения: 21.03.2024).

39. Ставицкий А.В. Роль мифа в современном обществе // Ценности и смыслы. – 2019. – № 3 (61). – С. 47–60.

40. Столяров Ю.Н. Синергетический подход в библиотековедении, библиографоведении, книговедении: когда и зачем он нужен // Библиотека и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества : тр. конф. Т. 2. – Москва : ГПНТБ, 2003. – С. 760–763.

41. Тарусова Д. Гиперсетевая теория мозга Константина Анохина и его «когнитом» // Гранит науки. – 2021. № 1. – URL: <https://un-sci.com/ru/2021/01/23/gipersetevaya-teoriya-mozga-konstantina-anohina-i-ego-kognitom/> (дата обращения: 21.03.2024).

42. Топорков А.Л. Предвосхищение понятия «архетип» в русской науке XIX века // Литературные архетипы и универсалии. – Москва : РГГУ, 2001. – С. 348–368.

43. Тузов В.В. Синергетика как методология исследования процессов самоорганизации сложных систем // Библиосфера. – 2007. – № 1. – С. 52–59.

44. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов

мов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10, № 3. – С. 4–18.

45. Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга. Интервью с чл.-корр. РАН К.В. Анохиным // В мире науки. – 2013. – № 5. – С. 83–89.

46. Юдин Б.Г. Самоорганизация // Новая философская энциклопедия. Т. 3. – Москва, 2001. – С. 487–488.

47. Юнг К.Г. Архетип и символ : [Перевод / Карл Густав Юнг; Предисл. А. М. Руткевича, с. 5–22; Примеч. В. М. Бакусева и др.]. – Москва : Ренессанс, 1991. – 297, [2] с. : портр.

48. Юнг К.Г. Коллективное бессознательное // Хрестоматия по философии / сост. П.В. Алексеев, А.В. Панин. – Москва : Гардарика, 1997. – С. 300–303.

49. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг; Перевод с нем. А. М. Боковикова; [Предисл. А. В. Брушлинского]. – Москва : Прогресс : Универс, 1994. – 329, [2] с.

Источник цитаты на авантитуле:

Витгенштейн Л. Культура и ценность / Философские работы. Ч. 1. Пер. с нем. Москва: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 419 (32).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверинцев С.С. 22, 23, 53
Акопян Л.О. 54
Алексеев П.В. 57
Анохин К.В. 13, 14, 47–49, 52, 53, 56, 57
Бажанов В.А. 53
Баженова Н.М. 54
Бакусев В.М. 57
Боковиков А.М. 57
Большакова А.Ю. 24, 53
Бродова И.А. 54
Брушлинский А.В. 54, 57
Буслаев Ф.И. 54
Василькова Н. 55
Верба Н.И. 28, 54
Витгенштейн Л. 57
Володин Б.Ф. 54
Дворкина М.Я. 12, 54
Жакоб К. 31, 33, 54
Жгилева Л.А. 56
Зиновьев А.А. 53
Иванников М.А. 54
Каллимах 32, 55
Кант И. 9
Козолупенко Д.П. 54
Коул М. 56
Крюкова О.С. 28
Кудряшова Е.В. 56
Лахути Д.Г. 54, 56
Лейбниц Г.В. 32
Леонов В.П. 55
Лойко О.Т. 55
Малеин А.И. 32, 55
Малинецкий Г.Г. 55
Мелетинский Е.М. 27, 53, 55
Михно В.Б. 40, 55
Найдыш В.М. 24, 55
Оганесян М.О. 54
Опенков М.Ю. 56
Орлова О. 56
Панин А.В. 57
Петр Великий 31, 32, 55
Петровский А.В. 53
Пивнева Н.С. 28
Пилко И.С. 12, 55
Платон 10
Поластрон Л. 55
Полтавская Е.И. 41, 56
Поппер К.Р. 5, 6, 56
Руткевич А.М. 57
Садовский В.Н. 56
Ставицкий А.В. 56
Столяров Ю.Н. 12, 56
Тарусова Д. 56
Топорков А.Л. 56
Тузov В.В. 56
Фаликман М.В. 56
Фрейд З. 10
Чумаков В. 57
Шопенгауэр А. 9, 10
Шумахер И.-Д. 32
Эшби У.Р. 39
Юдин Б.Г. 57
Юнг К.Г. 9–11, 17, 19, 21–28, 31, 40, 53–55, 57
Ярошевский М.Г. 53

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. К.Р. Поппер о мире объективного знания	5
Введение. К.Г. Юнг о коллективном бессознательном и проблемы самоорганизации и когнитома	9

РАЗДЕЛ I. АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БИБЛИОТЕКИ В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

Глава 1. Миф и архетип как смысловое поле культуры	17
Глава 2. Об архетипах коллективного бессознательного	21
Глава 3. О библиотечных архетипах	25
Глава 4. Архетипы коллективного бессознательного и библиотечно-информационная деятельность	30
Глава 5. Александрийская библиотека и Петербургская библиотека Академии наук («Бывают странные сближения») ...	33

РАЗДЕЛ II. САМООРГАНИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕКИ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Глава 6. О самоорганизации совместной библиотечно- информационной деятельности	39
---	----

РАЗДЕЛ III. КНИГА В НЕЙРОНАУКЕ: ПРОЕКТ «КОГНИТОМА»

Глава 7. О феномене когнитома	47
Глава 8. Книга как внешний когнитом	49
Вместо заключения	51
Список источников	53
Именной указатель	58

Научное издание

Леонов Валерий Павлович

Архетипический образ библиотеки – самоорганизация – когнитом:
комплексная программа библиотековедческих исследований

12+

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Редактор *И.А. Иванов*
Оригинал-макет *О.Н. Орловой*

Подписано в печать 26.04.2024
Формат 60×84¹/₁₆
Тираж 120 экз.
Печ. л. 3,75 (81,9 тыс. зн.). Заказ № 19
Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)